

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

ОПИСАНИЕ ИБЕРИИ В «ГЕОГРАФИИ» СТРАБОНА

(XI, 3, 1—6)

Самым ранним из дошедших до нас и единственным детальным описанием Иберии является описание в «Географии» Страбона (XI, 3, 1—6). Ни один из античных авторов, кроме Страбона, не дает описания социальных групп населения Иберии и их образа жизни. Данный отрывок Страбона является поэтому нашим основным источником для суждения о социальной природе древнеиберийского общества: использование его и послужило исходным пунктом как для исследователей, касавшихся этого вопроса в связи с изучением истории войн Митридата Евпатора¹ и социальной истории Азии², так и для исследователей древнейшего периода истории грузинского народа³.

Вопрос об общественной структуре Иберии в эллинистическую эпоху является вопросом чрезвычайно важным и далеко выходит за рамки интересов историков древней Грузии. Он теснейшим образом связан с одной из кардинальных проблем истории эллинизма, с вопросом об общественной структуре народов востока, пришедших в результате завоеваний Александра в соприкосновение с миром рабовладельческих греческих городов, а позже и с Римом. Грузия входит, иначе говоря, в состав так называемой «варварской периферии», которая включалась постепенно в круговорот эллинистическо-римского рабовладельческого мира.

В сложном процессе взаимодействия этих двух миров восточные общества переходили, как в процессе борьбы за свою самостоятельность, так и мирного экономического и культурного общения, к новым, более сложным формам общественного бытия, в то время как основы античного рабовладельческого общества подтачивались и постепенно разлагались.

При скудости имеющихся в нашем распоряжении источников (и литературных, и эпиграфических), с азиатскими обществами, включавшимися в состав эллинистических монархий или входившими с ними в соприкосновение, исследователям часто приходилось оперировать, как с неизвестной величиной.

Иберийское царство эллинистической эпохи представляет тем больший интерес для историков эллинизма, что, согласно имеющимся в нашем распоряжении греческим и римским литературным источникам, древняя Иберия, достаточно удаленная от моря и не входившая в состав ни одной из греко-македонских эллинистических монархий,

---

¹ Th. Reinach, Mithridate Eupator, roi du Pont, Paris, 1890, стр. 390 и 391.

² M. Rostowzew, Studien zur Geschichte des römischen Kolonats, Berlin und Leipzig, 1910, стр. 281—282.

³ И. Джавахов, Государственный строй древней Грузии и древней Армении, стр. 8 сл.; И. А. Джавахишвили, История грузинского народа. Кн. I, Тифлис, 1928, стр. 154—155 (на груз. яз.); С. Джанашиа, История СССР (макет), ч. I—II, 1939, стр. 328—329; С. Джанашиа, Грузия на пути ранней феодализации, Тбилиси, 1937, стр. 18 сл. (на груз. яз.); С. Какабадзе, Вопросы генезиса грузинского государства, Саисторио Моамбе, Тифлис, 1924, I, стр. 9—11 (на груз. яз.); С. Горгадзе. Из истории Грузии. II. Древняя Грузия, I, стр. 43—61. Тифлис, 1908 (на груз. яз.).

до вторжения Помпея в 65 г. до н. э. не приходила в непосредственное соприкосновение с греками и римлянами, а следовательно, общество ее развивалось без непосредственного воздействия на нее эллинистическо-римского мира.

Подробное, и на первый взгляд такое ясное, четкое описание социального строя Иберии у Страбона, естественно, издавна привлекает внимание исследователей.

Предварительным, но одновременно и коренным вопросом при этом оказывается вопрос об источниках Страбона в тех частях его сочинения, которые говорят о Кавказе. Филологическая наука занимается этим около восьмидесяти лет. В основном усилия филологов были направлены на то, чтобы в каждом отдельном случае пытаться выяснить, у какого автора Страбон списал ту или иную фразу: на эту тему написано немало количество и статей и целых диссертаций. Один из новейших авторитетнейших знатоков Страбона, Хонигман, дает следующую пессимистическую оценку результатам этой работы: «можно сказать, что критика источников Страбона в настоящее время переживает, глубокий кризис, так как часто остроумная и во многих частностях успешная работа в течение десятилетий сама себя привела к несостоятельности благодаря преувеличениям и схематизации»¹.

Но если важен вопрос о характере источников Страбона, то не менее важно бывает выяснить, как и в какой связи тот или иной источник Страбоном использован. Относительно интересующего нас текста (Страбон, XI, 3, 1—6) в исторических работах последнего времени, после исследований Арнольда², Неймана³ и примкнувшего к ним в данном вопросе Фабрициуса⁴, стало общепризнанным, что в основе этого текста лежит сочинение Феофана Митиленского. При этом все три названные исследователя, утверждая, что Феофан является главным источником Страбона в его описании стран Кавказа, исходят из того бесспорного факта, что Феофан был спутником Помпея в его восточном походе (Str., XI, 5, 1), был связан с ним узами дружбы (Str., XIII, 2, 3), был награжден правами римского гражданства и явился автором сочинения о деяниях Помпея («scriptor regum suarum», Cicero, pro Archia, 10, 21). Сочинение это было написано им зимой 63/62 г. на вилле в Эфесе, так как Цицерон упоминает о нем уже в речи, произнесенной в 62 г. Страбон цитирует Феофана, определенно ссылаясь на него, шесть раз; из них в связи с Кавказом и Понтом—пять раз, причем один раз (XI, 5, 1) прямо говорится, что Феофан находился вместе с Помпеем в Албании. Все эти обстоятельства делают бесспорным факт использования Страбоном сочинения Феофана для описания внутренних областей Закавказья, в то время как морское побережье Кавказа описано им на основании «Перипла» Артемидора. Этим и исчерпывается в основном положительный результат работы трех названных исследователей.

Другие, столь же важные вопросы о том, что собой представляло сочинение Феофана и каково было отношение к нему Страбона, в каких частях описания Кавказа и как именно оно было использовано Страбоном, никак нельзя считать полностью разрешенными. Мало помогла делу неудачная попытка Арнольда объявить Феофана основным источником для «Истории Митридатовых войн» Аппиана и для Плутарховой биографии Помпея⁵. Попытку Арнольда положить Феофана также и в основу Плутарховой биографии Лукулла вполне основательно уже отверг Фабрициус⁶ на том основании, что Феофан всюду упоминается, как участник только походов Помпея, но не Лукулла. Однако Фабрициус считает, что Страбон, возможно, отказался от использования соответствующих данных Феофана только потому, что места, где развертывались эти собы-

¹ RE, IV A, стл. 98

² C. Fr. Arnold, Untersuchungen über Theophanes von Mitylene und Posidonius von Apamea (Jahrb. f. class. Philologie herausg. von Alfr. Fleckeisen, Leipz., 1884).

³ K. J. Neumann, Strabons Landeskunde von Kaukasien, Fleckeisens Jahrb. 1884; Strabons Quellen im elften Buche, 1881.

⁴ W. Fabricius, Theophanes von Mitylene und Quintus Dellius als Quellen der Geographie des Strabon, 1888.

⁵ C. Fr. Arnold, ук. соч., стр. 79 сл.; W. Fabricius, ук. соч., стр. 7.

⁶ W. Fabricius, ук. соч., стр. 5.

тия, были хорошо известны тогдашнему читателю, и что потому он использовал только те части сочинения Феофана, которые обогащали тогдашнюю науку новыми сведениями о ранее неизвестных или мало известных областях: Иберии, Колхиде, Понте.

Основной вывод Неймана, что основным источником, лежащим в основе описания Иберии в третьей главе XI книги и большей части второй главы (побережье ахейцев, зигов и эниохов и Колхида), был Феофан, основан на разборе второй части второй главы и первых пяти параграфов третьей главы Страбона. К сожалению, Нейман, разбирая географическое описание Иберии у Страбона, оставляет совершенно в стороне этнографию, и в частности § 6, наиболее оригинальный и интересный; между тем, именно этот параграф дает особенно ценный материал для изучения социального строя иберов. Нейман не останавливает своего внимания ни на характеристике самого Феофана как писателя, отмечая лишь его склонность к вопросам «специально географическим», ни на анализе языка и терминологии отрывка и, в частности, § 6, наиболее показательного.

Фабрициус, отмечая, что главным источником Страбона о странах Кавказа являются историки войн Митридата (XI, 2, 14), относит к этой категории писателей, так же как и Нейман, Феофана. Впрочем, исходя из упоминания о Феофане у Цицерона (Cic., pro Archia 10, 24) как об историке деяний Помпея, он полагает, что несокранившееся заглавие его труда было не *Μιθριδική*, а скорее *τὰ περὶ Πομπηίου*. Это не мешает ему, однако, подозревать заимствования из Феофана в тех случаях, когда Страбон ссылается на авторов истории войн Митридата, и считать, что под таким обозначением Страбон разумеет именно сочинение Феофана.

Исходя из этих общих положений (участие Феофана в походе Помпея против Тиграна и Митридата и написание Феофаном труда о деяниях Помпея), Фабрициус считает доказанным, что, за исключением составленного на основании «Перипла» Артемидора описания Кавказского побережья (XI, 2, 14), остальные главы Страбона, посвященные описанию Кавказа (Колхида, Иберия, Албания, страна амазонок), и не только Кавказа, а и всех почти остальных местностей, через которые проходили Помпей вместе с Феофаном—Киликии, Галатии, Понта, Армении, Каппадокии, Гордиены, написаны на основании опять-таки главным образом Феофана (стр. 9). Основное содержание исследования Фабрициуса состоит в сопоставлении соответствующих отрывков Страбона с отрывками Плутарха, Аппиана и других авторов и отличается произвольностью выводов, являясь по справедливому отзыву Якоби¹ «продуктом чистой фантазии».

Касаясь наиболее важных отрывков Страбона описания Иберии: XI, 3, 3 и 6, Фабрициус не делает никаких попыток разобрать их на фоне этнографических описаний в эллинистической литературе, ни сопоставить с соответствующими описаниями в других частях «Географии» Страбона, а ограничивается сравнением с современным ему самому, Фабрициусу, состоянием грузинского общества конца XIX века и указывает на следы влияния иранской культуры, как «совершенно естественного следствия общения Иберии с более культурными соседями».

Главной причиной, препятствовавшей удачному разрешению вопроса, являлось то обстоятельство, что нельзя осветить частный вопрос—зависимость Страбона от Феофана—до исследования основных вопросов, связанных с сочинением Страбона. Совершенно необходимо сперва исследовать приемы научной работы Страбона, характер его труда и его задачи. С другой стороны, не менее важно решить, что собой представляли те авторы, сочинения которых по тем или иным соображениям ученые находили возможным считать основными источниками отдельных частей сочинения Страбона.

В этом отношении очень ценные положительные результаты были достигнуты исследованиями французского ученого-географа Дюбуа. Дюбуа² замечает, что Страбон

¹ FHG, II C, № 188, стр. 614—618.

² M. Du Bois, Examen de la Géographie de Strabon, Paris, 1891.

«не без намерения ссылается на те положительные моменты, какими мир обязан римскому народу, благодаря победам его над азиатскими властителями». Дюбуа предполагает также сознание у Страбона политической важности прироста географических знаний (стр. 317 ук. соч.). Страбон, говорит Дюбуа, выражает идею, которая должна была быть близкой его современникам и которая была несомненно правильной, так как столь важные события не могли бы совершиться, если бы не были использованы географические знания. И, обратно, источник прироста этих знаний Страбон относит за счет расширения римских завоеваний на западе, а на востоке—за счет Митридата Евпатора и его полководцев (области у Меотиды и Колхидское побережье) и парфян (Гиркания и Бактриана и жившие к северу от них скифы). Дюбуа подчеркивает хорошие знания Страбона о событиях, связанных с походами Митридата, основанные на связях его семьи с Митридатом, а также и то, что родина Страбона, город Амасия, была весьма подходящим местом для собирания материалов, связанных с походами Митридата в Армению и Колхиду и его полководцев—в Северное Причерноморье (стр. 316). Дюбуа объясняет сухость и суммарность описания Северного Причерноморья у Страбона тем, что Страбон использует в этих главах преимущественно источники близкой ему эпохи, дававшие мало нового; вот почему изложение этих глав так невыгодно отличается от описания жизни обитателей Кавказского побережья—ахейцев, зигов и энихов, а также живших в глубине Закавказья иберов и албан. Из авторов описаний войн Митридата Дюбуа выделяет особо Метродора Скепсийца, упоминающего об амазонках (XI, 5, 1) и об удивительных животных Аравии (XVI, 4, 16).

Говоря о другой группе источников Страбона, об авторах описания парфянских войн (он относит к ним в первую очередь сочинения Аполлодора из Артемиды и спутника Антония в парфянском походе, Деллия), Дюбуа правильно отмечает, что, чем дальше Страбон в своем описании отходит от греко-римских стран, тем все меньше подробных сведений дает он своим читателям. Эту особенность труда Страбона Дюбуа объясняет не небрежностью автора, а стремлением использовать и обобщить в своем сочинении расширение знаний, происшедшее вследствие больших исторических событий, связанных с римскими завоеваниями, с одной стороны, а также стремлением удовлетворить потребности вполне определенного круга читателей—римских практических деятелей, полководцев, политиков и купцов и греческих купцов и ученых—с другой стороны (стр. 321 и 326).

Вопросу об использовании Страбоном Посидония Дюбуа уделяет особое внимание. Посидоний дал Страбону возможность подвергнуть частичной проверке исчисление расстояний в трудах Полибия и Артемидора. Страбон, по мнению Дюбуа, использовал исторический труд Посидония «История после Полибия». В целом Дюбуа считает, что Страбон обязан Посидонию большим количеством математических и физических элементов для своих *prolegomena* и значительным материалом в области описательной географии, исторических экскурсов, а также и тех красочных курьезов, которые смягчают строгость основного текста.

Для нас особенно интересна мысль Дюбуа о возможности включения Посидония в число источников Страбона о Кавказе и областях у Меотиды¹. Однако в источнике, лежащем в основе его главы об иберах и албанах, Дюбуа не считает возможным усматривать Посидония². Отводя Посидонию столь значительное место среди источников Страбона в исторических его экскурсах и этнографических описаниях, Дюбуа полагает, что, при упоминании Страбоном «историков войн Митридата», следует в числе их подразумевать и Посидония на том основании, что последний был другом Помпея. Между тем в описании Албании (XI, 4, 3) Страбон определенно ссылается на информацию

¹ Ук. соч., стр. 320.

² Отказываясь признать Посидония за первоисточник Страбона для описания Иберии и Албании, Дюбуа не излагает своих соображений по этому поводу, а ссылается лишь на свое несогласие с доводами Heeren 'a, работа которого мне недоступна. Недоступна мне и диссертация Мунца (Munz, Zürich, philol. Dissert.), которую цитирует, опускаясь к ней отрицательно, Хонигман.

участников военного похода (*καθ' ἕνα οἱ στρατεύοντες φασιν*), что явно не может относиться к Посидонию.

В трудах современных исследователей истории эллинистического периода в Грузии академика И. А. Джавахишвили и академика С. Н. Джанашиа вопрос об источниках Страбона в описании Иберии не ставился, а М. И. Ростовцев, подвергший тщательнейшему изучению эллинистическую литературную традицию о Северном Причерноморье, относительно описания Иберии и Албании, в своем критическом обзоре источников о Скифии и Боспоре, изданном в 1925 г., основывается на выводах германских филологов 80-х годов прошлого столетия¹. Равным образом, и в дальнейших своих трудах, насколько мне известно, он не нашел нужным подвергнуть старые свои выводы пересмотру, несмотря на данную им высокую оценку исследованию Дюбуа².

Якоби считает сочинение Феофана о деяниях Помпея тенденциозно задуманным произведением, предпринятым с практической целью, а не «величайшим историческим творением»³, как это думали предшествующие исследователи, в том числе и Эдуард Мейер⁴. Произведение Феофана не есть ученый труд с многочисленными цитатами, из которых Страбон мог бы заимствовать свои сведения по археологии Армении. С другой стороны, однако, книга Феофана принадлежала к числу первоисточников по истории похода Помпея на восток и должна была давать, вероятно, много интересного по географии и этнографии ранее мало изведанных, а то и совсем неведомых римлянам стран.

К мысли Неймана, что Феофан является главным источником для стран Кавказа у Страбона, а также ко всему предложенному Фабрициусом сопоставлению фрагментов, Якоби относится весьма скептически и считает, что Страбон не мог иметь особого доверия к Феофану и заимствовал у него только отдельные замечания. Впрочем, Якоби допускает достаточно широкое использование Феофана в описании Иберии и Албании (особенно XI, 4, 3, где имеется прямая ссылка на участника похода, а также упоминание о посещении Феофаном земли албанов в XI, 5, 1).

Относительно II, 5, 12: «нынешние писатели в особенности могли бы кое в чем лучше рассказать... о народах Кавказа, как-то об албанах и иберах», а также XI, 2, 14: «писатели митридатových войн, заслуживающие самого большого внимания», Якоби считает, что усматривать здесь ссылки на Феофана нельзя.

Хонигман в своей обширной статье о Страбоне⁵ подвергает критике установившийся взгляд, впервые высказанный Нейманом, будто в основе изложения Страбона о Кавказе лежит сочинение Феофана, Посидоний же им использован не был. Этот старый взгляд базируется на упреке Страбона Посидонию за неправильное исчисление расстояния от океана до Меотиды⁶. Правда, довод этот Хонигман считает недостаточно убедительным, так как указанная цитата имеет в виду сочинение Посидония «Об океане», изданное около 90 г. до н. э., между тем как в описании Иберии могла бы речь идти об использовании им «Истории после Полибия», изданной около 80 г. до н. э., или специального исторического труда о походах Помпея. Между тем в своих первых двух сочинениях Посидоний не мог еще писать об обстоятельствах похода Помпея и «это порицание (Посидония.—А. Б.) и полемика против автора «Об океане» не говорят еще о том, что Страбон не использовал Историю походов Помпея, ...если он действительно, как утверждает Страбон, написал сочинение о походах Помпея».

Поэтому исключение Нейманом Посидония из числа источников Страбона о Кавказе Хонигман считает произвольным и «возможность использования Страбонем

¹ Скифия и Боспор, стр. 9 и стр. 143.

² М. И. Ростовцев, Страбон, как источник для истории Боспора. Сборник статей в честь В. П. Бузескула, стр. 366, прим.

³ FHG, IIC, № 188, стр. 614.

⁴ Ed. Meyer, Caesars Monarchie, 613.

⁵ RE, IV A.

⁶ XI, 1, 5. Там же и прямая полемика против Посидония (XI, 1, 6).

Посидония (как историка похода Помпея) и в этом отношении, а в особенности для военных походов Помпея, не должна быть спорной».

Весьма основательно Хонигман оспаривает возможность использования Страбоном сочинения Посидония о походах Помпея прежде всего потому, что он ставит под сомнение самый факт существования такого сочинения, ибо оно нигде, кроме одного места у Страбона (XI, 1,6), не упоминается. Кроме того, заключительные слова § 6: «к этому он прибавлял, что написал он также историю и о нем», ряд исследователей (Wachsmuth, Einl., 651,4; Jacoby, FNG, II, 157), к которым присоединяется и Хонигман, считает позднейшей вставкой.

Что касается других авторов, которых Страбон мог использовать в своем описании внутренних областей Закавказья, то Хонигман подвергает краткому рассмотрению еще две группы писателей,—это авторы истории Митридатových и парфянских войн.

Тут он прежде всего разбирает вопрос о возможности использования Страбоном сочинения знаменитого «ненавистника римлян», скепсиса Метродора. Здесь следует иметь в виду, что Метродор погиб в 70 г. и, следовательно, его информация о Кавказе относится ко времени до кавказского похода Помпея. Страбон цитирует его только дважды (если не считать отрывка, посвященного биографическим сведениям (XIII, 1, 55). Это XI, 5, 1—локализация места обитания амазонок и XVI, 4, 16—об удивительных животных Аравии—цитата из раннего его сочинения «Об обычаях».

Хонигман вообще сильно сомневается в непосредственном использовании Метродора Страбоном и полагает, что вряд ли Страбон имел и его в виду в числе авторов Истории Митридатových войн. В XI, 5, 1 Страбон цитирует его наряду с Гипсикратом из Амиса и, возможно, использовал его как раз через посредство Гипсикрата.

Что касается авторов Истории парфянских войн, под которыми следует разуметь Аполлодора из Артемиды и Квинта Деллия, участника похода Антония, то их использование Страбоном Хонигман не подвергает сомнению, но не высказывает никакого предположения о возможности участия их в информации Страбона об Иберии.

Вопрос об источниках Страбона в описании Иберии обсуждает также и Якоби в своих комментариях к отрывкам Феофана, Метродора, Посидония и Гипсикрата. Якоби отмечает, что Гипсикрат, цитированный вместе с Метродором в XI, 5, 1, является скорее историком эпохи Цезаря—Августа, чем местным историком города Амиса или автором «Понтики». Он был по всей вероятности на службе у Цезаря, восстановившего в 47 г. свободу амисенцев. Упоминание о нем в связи с локализацией амазонок объясняется, повидимому, тем, что Фемискира, древнее предполагаемое мифами место обитания амазонок, во времена Страбона принадлежала амисенцам. Экскурсы Гипсикрата о Кавказе связаны, повидимому, с пребыванием Фарнака в Амисе зимой 48/47 г., распространением территории Боспорского царства в пределы Азии и походом Митридата Пергамского против Асандра.

Якоби вместе с Хонигманом считает возможным допустить, что, упоминая Метродора (XI, 5, 1), Страбон имеет в виду его сочинение о Тигране, написанное им во время пребывания его при дворе Тиграна, не представляющее углубленного научного труда и использованное затем Гипсикратом (FNG, II, № 190, стр. 619).

Таким образом, относительно источников Страбона о внутренних областях Кавказа вопрос может стоять о двух авторах: о Феофане Митиленском и о Посидонии. Исследователи XIX в. Арнольд, Нейман и Фабрициус совершенно не ставили в этой связи вопроса о Посидонии, относив в своих источниковедческих этюдах все описание Иберии к Феофану. К ним, как мы видели, примкнул и Ростовцев, не подвергавший, впрочем, анализу текст Страбона. Однако после опубликования исследования Дюбуа вопрос о взаимодействии Страбоном из Посидония ставился неоднократно, но почти никто не посвятил анализу III главы XI книги специального этюда.

Страбон в своем сочинении упоминает Иберию неоднократно и в равной связи, и упоминает при этом часто и о своих источниках, иногда никакого отношения не имеющих к кругу авторов, повествовавших о войнах Митридата и походе Помпея. Так,

в I, 3, 21, говоря о переменах, вызванных переселениями, Страбон упоминает об иберах, переселившихся с Пиренейского полуострова, локализуя место их обитания «в местах выше Понта и Колхиды». При определении границы между их областью и Арменией он называет реку Аракс, ссылаясь на Аполлодора. В силу этого Аполлодора также следует отнести к числу авторов, из сочинения которых он черпал свои сведения об Иберии. Возникает вопрос, какого Аполлодора Страбон в данном случае имел в виду. В своей «Географии» Страбон использовал сочинения двух Аполлодоров: афинянина—грамматика, автора сочинения «О каталоге кораблей», и Аполлодора из Артемиды, автора истории парфянских войн.

Нейман вместе с Низе¹ считает, что здесь разумеется автор сочинения «О каталоге кораблей», потому что Страбон уже в I, 2, 24 ясно сослался на его труд, а на Аполлодора из Артемиды он еще ни разу не сослался. Но указание на сочинение «О каталоге кораблей», может быть, объясняется точностью ссылки, указанием, какую книгу данного сочинения имел Страбон в виду. Категоричность суждения Неймана не вполне убедительна. Якоби не нашел возможным включить I, 3, 21 в число отрывков автора «О каталоге кораблей», относя тем самым данный отрывок к Аполлодору из Артемиды. В этой связи интересен другой отрывок Страбона II, 5, 12: «Нынешние писатели могли бы кое в чем лучше рассказать... о народах Кавказа, как-то об албанах и иберах. Сообщается нам (о них) и авторами истории парфянских войн, из числа последователей Аполлодора Артемидского, по сравнению с которыми те (т. е. нынешние писатели) больше, чем они, установили относительно Гиркании и Бактрианы».

Вниманию Страбона к авторам «Истории парфянских войн» и прежде всего к Аполлодору из Артемиды, писавшему о Гиркании и Бактриане, и упоминание о них Страбоном в непосредственной связи с племенами, жившими в соседстве с обитавшими в Закавказье иберами и албанами, дает полное основание предполагать, что от них же он черпал сведения и об иберах и албанах, столь тесно связанных географически и культурно-исторически с народами Ирана эллинистической эпохи.

Хонигман² весьма убедительно обосновывает ту мысль, что обширные экскурсы Страбона в мифологическую историю о происхождении, этническом родстве и о физическом сходстве народов восходят к книге Посидония «Об океане». Яркий образец такого использования этой книги с ссылкой на ее автора представляет I, 2, 34, о взаимном родстве арменов, сирийцев и арабов: текст Страбона дает здесь цитату из сочинения «Об океане». Далее, и I, 3, 21 о переменах, вызванных переселениями, Хонигман также склонен возводить к Посидонию (за исключением неправильного сведения о границе по Араксу, приводимого Аполлодором) с оговоркой, что Посидоний свои любимые теории, очевидно, перенес из этого сочинения в свою «Историю», чем и следует объяснить частую близость Страбона именно к ней.

В общем описании Кавказа, расположении кавказских гор, составляющих границы расселения племен, Страбон прямо ссылается на Эратосфена (XI, 2, 15). В описании Кавказского побережья и размещении племен, его населявших, использован у него Артемидор (XI, 2, 14). Однако, как отметил еще Дюбуа (стр. 320), трудно согласиться с предположением Неймана³, что наличие исчисления расстояний, похожих на исчисления Артемидора, дает основание считать «Перипл» Артемидора руководящим источником Страбона по этому вопросу. Предположению Неймана противоречит еще и то обстоятельство, что в § 12 порядок расселения племен за Синдикой и Горгиппией (ахейцы, зиги, эниохи) повторен в § 13 в обратном направлении, т. е. с юго-востока на северо-запад—по пути отступления Митридата Евпатора, о котором здесь как раз упоминается (эниохи, зиги, ахейцы); а в следующем § 14 прямо говорится о предпочтении информации историков войн Митридата в этом вопросе перед Артемидором. Под

¹ Niese, Straboniana, Rhein. Mus., XXXII, стр. 304.

² Ук. соч., стр. 111.

³ Strabons Quellen im elften Buche, стр. 10.

«авторами истории Митридатовых войн» (сὶ τὰ Μιτρίδατικὰ συγγραμματα) ни в коем случае не следует разуметь Метродора, что доказывается описанием бегства Митридата, когда Метродора уже не было в живых; скорее мы вправе думать здесь об историке похода Помпея—Феофане. Красочное описание разбойничьего образа жизни ахейцев, зигов и эниохов вместе с мифографической справкой об их происхождении заимствовано Страбоном, повидимому, не из историков Митридатовых войн, но и не из Артемидора, а по всей вероятности из Посидония. На основании сведений, почерпнутых Страбоном из своих семейных традиций, и лично ему известного, современного ему положения вещей пишет он в XI, 2, 18, упоминая о своем родственнике Моаферне—правителе Колхиды, и в XI, 2, 12—о небрежном отношении римских правителей к задачам защиты морского побережья от пиратов.

Что же касается упоминания о святилище Левкофеи и о разграблении его сначала Фарнаком, а позже Митридатом Пергамским (XI, 2, 17), то Якоби относит эти сведения к Гипсикрату (FHG, IIC, № 190, стр. 619).

На основании Эратосфена, Артемидора, историков войн Митридата и лично собранной им современной ему информации Страбоном составлена вторая глава XI книги §§ 12 по 19.

Сведения Страбона о власти иберов над святилищем Левкофеи совместно с колхами и армянами и о городе Идеесе в пограничной с Колхидой местности восходят, по всей вероятности, к Гипсикрату, так как и то и другое связывается с походом Фрикса. Что упоминание иберов и Иберии во второй главе XI книги взято не из того источника, или источников, к которым относится третья глава XI книги, видно из того, что в третьей главе ни о святилище Левкофеи, ни об Идеесе не упоминается. Заключением главы второй является переход к описанию иберов и албанов, которому специально посвящены главы третья и четвертая XI книги.

Переходим к описанию Иберии в XI, 3, 1—6. Первый параграф ее является логическим продолжением § 19 предыдущей главы: «племя албан и иберов, которые главным образом заполняют названный перешеек (и они могли бы быть названы кавказскими; ср. XI, 2, 16), владеют страной богатой и могущей быть очень хорошо заселенной». Далее в XI, 3, 1: «И в самом деле Иберия хорошо заселена в большинстве случаев городами и поселениями, так что там есть и черепичные кровли и согласное с правилами зодчества устройство жилищ, и рынки и другие общественные здания». Все это подтверждает последнюю фразу предыдущей главы, в которой сказано, что население, его плотность, высокий уровень развития и благосостояние соответствуют богатым природным условиям страны.

Второй параграф дает характеристику рельефа местности и перечисление протекающих по ней рек: «Страна обнимается кругом кавказскими горами, ибо к югу выступают, как я уже сказал (ср. XI, 2, 15), плодородные склоны, охватывающие всю Иберию и простирающиеся до Армении и Колхиды. В середине находится равнина, орошаемая реками и среди них величайшей Киром, который, взяв начало в Армении и вступая тотчас же в названную равнину, принимает в себя и Араг, текущий с Кавказа, и другие воды, и вступает через узкую речную долину в Албанию. Многоводный, пронесясь между Албанией и Арменией по богатым пастбищам и равнинам и принимая в себя и другие многочисленные реки, в том числе Алазаний, Сандован, Ритак и Хан, сплошь судоходные, впадает он в Каспийское море». Заканчивается параграф исторической справкой: «а ранее он назывался Кором».

§ 3 посвящен населению Иберии: «Равнину населяют те из иберов, которые усерднее занимаются земледелием, склонны к миру и имеют армянское и мидийское снаряжение. Горную же часть населяют более многочисленные и воинственные племена, живущие по обычаям скифов и сарматов, которым они и соседи и родичи; занимаются они, впрочем, и земледелием и в случаях тревоги собирают много десятков тысяч войска, как из собственной своей среды, так и из числа равнинных».

§§ 4 и 5 посвящены описанию подступов («входов») в Иберию, причем § 4 описывает вход со стороны Колхиды, а далее идет описание входа в Колхиду и долину реки Фасида

§ 4: «Существуют четыре входа в эту страну. Один через Сарапаны, Колхскую крепость и примыкающие к ней ущелья, через которые Фасид, сделавшийся вследствие своей извилистости доступным для переправы с помощью ста двадцати мостов, быстрый и бурный, вступает в Колхиду, боровдя эти местности во время дождей множеством потоков. Он берет начало в вышележащих горах, пополняясь многочисленными ручьями, а на равнинах принимает и другие реки, и в их числе реки Главк и Гипп. Сделавшись полноводным и судоходным, он впадает в Понт. На нем расположен одноименный с ним город и имеется близ него озеро. Таков вход из Колхиды в Иберию, замыкаемый скалами, укреплениями и реками, образующими овраги».

§ 5 описывает три остальных входа—через Дарьял (со стороны северных кочевников), из Албании и из Армении, с указанием, кто из римских полководцев последним входом пользовался. «Из области северных кочевников—трудный трехдневный подъем, а за ним узкое речное ущелье по реке Арагу, составляющее четыре дня пути для одного. Предел пути охраняет непреодолимая стена. От Албании—вход вначале высеченный в скалах, затем через болото, которое образует река Алазоний, нистекающая с Кавказа».

От Армении—ущелья у Кира и у Арага. До слияния их друг с другом находятся близ них города, укрепленные на скалах и отстоящие друг от друга примерно на шестнадцать стадий, у Кира—Армовика, а у другой реки—Севсамора. Этими входами воспользовался сначала Помпей, вторгнувшийся из Армении, а после него Канидий».

Таково содержание первых пяти параграфов третьей главы одиннадцатой книги. При ознакомлении с этим текстом обращает на себя внимание впечатление их единства и цельности, отмеченное еще Нейманом¹, и, кроме того, сжатость описания, дающего лишь общую картину:

Разбирая приведенные здесь параграфы 1—5, Нейман полагает, что описание Фасида в § 4 взято из описания похода Помпея, данного в сочинении Феофана, и отмечает идентичность этого описания с содержащимся в предыдущей главе: действительно, там упоминается на реке Фасиде «одноименный город» (ὁμόνομος πῶλις), а из многочисленных рек Колхиды в XI, 2, 17 и XI, 3, 4 упомянуты только Главк и Гипп; упомянута, кроме того, и крепость Сарапаны. Что же касается ошибочного указания на истоки Фасида в Армении, то принятие притока Риона—Квирилы, на которой расположены Сарапаны, за верхнее течение Риона мы встречаем не только у Страбона, но и у других авторов. Происхождение этого заблуждения, укоренившегося в античной литературе, восходит, повидимому, к эпохе Митридата Евпатора и походов Помпея. Однако, как мы видим, вся вторая глава XI книги изложена Страбоном на основании нескольких разновременных и различных по характеру источников и потому в ней отсутствует стройный порядок изложения.

Единство и стройность изложения параграфов 1—5 третьей главы, по мнению Неймана, доказывают заимствование из одного источника, положенного в основу описания, и источник этот—книга участника и историка похода Помпея—Феофана. Заимствования из Эратосфена в § 2 (προπτερόχαλα ἄρ' ὅς εἶπον κ. τ. λ.) не нарушают общей стройности композиции. Упоминание о Канидии (§ 5) Нейман не относит за счет широкого заимствования сведений об Иберии из историков войны Антония, а объясняет попутно сделанным замечанием самого Страбона. Говоря о четырех входах в Иберию, описанных Страбоном, Нейман напоминает, что Помпей воспользовался двумя из них: южным—из Армении и западным из Колхиды. Вход из Албании им использован не был, так как Помпей проникал в Албанию не из Иберии, а по обходной дороге, через Армению. Проход из Иберии в Албанию был использован Канидием, вторгнувшимся в Албанию вместе с иберийским царем Фарнабазом. Северный проход не был использован ни Помпеем, ни Канидием, и сведения о нем основаны не на автоп-

¹ Strabons Landeskunde von Kaukasien, стр. 344.

сии ученых спутников римских полководцев, а на основании расспросов у местных жителей. Эти расспросы Нейман склонен приписывать Феофану, характеризуя последнего как человека с научными и специально-географическими интересами. Феофану Нейман приписывает и расспросы об албанском проходе, равно как и описание Албании, ибо Страбон (XI, 5, 1) прямо говорит о посещении Феофаном Албании вместе с Помпеем. Замечание Неймана, указывающего, что некоторые особенности этого описания говорят об остром взгляде стратега и его оценке географических особенностей местности с точки зрения стратегической, очень тонко и, думается, правильно. К числу таких особенностей надо отнести прежде всего входы в страну (§§ 4 и 5), описанные с чисто военной точки зрения, весь деловой тон описания, краткий § 1 с общим замечанием о заселении страны и об ее высоком социально-экономическом уровне и § 2, дающий описание рек, сопровождающееся интересным замечанием о судоходности притоков Кура. В этом же тоне выдержан и § 3, содержащий сведения об образе жизни, нравах горцев и жителей равнины, о численности тех и других и о воинственности иберов-горцев.

Заслуживает внимания самый порядок описания: сначала передается общее впечатление от богатой, густо заселенной страны с цветущими городами; затем следует общий очерк ее рельефа и рек, далее идут общие сведения о жителях и о двояком укладе их жизни, а под конец даются описания входов, ведущих в страну, начиная с западного, с описанием долины Фасида, и кончая южным, через который вторгся Помпей.

Хотя описание входов и начинается с западного, однако совершенно ясно, что автор описания, послуживший источником Страбона, начал свое описание страны не с западного входа, а с южного. Это с очевидностью следует уже из одного того, что переданное в § 1 общее впечатление о густо населенной стране с городами, хорошими зданиями и характерными черепичными кровлями дает нам ту самую общую картину, которая открывается и сейчас перед глазами путешественника, вступающего через ущелье Куры в долину немного ниже места слияния Куры с Арагвой (соврем. Накулбакеви). Глазам нашим тут при самом входе в страну открывается вид на города с мощными стенами, зданиями из местного тесаного камня, покрытыми яркочерными черепичными кровлями. Именно эта картина должна была первым долгом возникнуть перед глазами Помпея при вторжении его со стороны Армении. Дальнейшее краткое описание гор, равнин, рек, жителей, краткое, но достаточно красочное, дается путешественником, сравнительно поздно прошедшим через страну вверх по долине Куры через Сурамский перевал, современную Шорапань, ущелье Квирилы (приток Риона — Фасида, принятый автором описания за самый Фасид) и, наконец, по открытой широкой, постепенно спускающейся к морю долине ставшего многоводным и спокойным Риона, с его притоками, к стоящему у его устья городу Фасиду, к югу от которого видно озеро.

Описание Колхиды было дано в предыдущей, второй главе XI книги. Тем не менее Страбон теперь снова возвращается к долине Фасида и дает ее краткое и яркое описание, следуя сверху вниз по его течению. Это обстоятельство достаточно ясно говорит за то, что, приступая к 3 главе, Страбон начинает излагать новый отрывок, взятый им из какого-то нового источника, им еще не использованного или лишь частично экцерпированного в предыдущей главе. Это вообще соответствует манере Страбона: «почти во всей своей книге,—правильно говорит М. И. Ростовцев,—Страбон не перерабатывает своего материала, а его экцерпирует, или, лучше сказать, сокращает, причем механически соединяет выдержки из источников разных категорий»¹.

Автор, сочинение которого лежит в основе данного отрывка Страбона (XI, 3, 1—5), вступив в Иберию с юга, через ее главный политический центр, прошел долину Куры, Сурамский перевал, долину Риона и достиг города Фасида. Об этом ясно говорит весь § 4. И хотя автор описывает, по ходу своего изложения, вход из Колхиды в Иберию,

¹ Страбон, как источник для истории Боспора, стр. 370, прим.

однако фактически он дает описание входа из Иберии в Колхиду через Сарпаны и пути по долине Фасида к его устью. В заключение он как бы бросает взгляд на пройденный путь и отмечает трудность доступа в Иберию с запада: «таков путь из Колхиды в Иберию, замкнутый скалами, укреплениями и реками, образующими овраги». Что же касается двух других входов со стороны северных кочевников и со стороны Албании, то характер их описания опять-таки не говорит о том, что оно было сделано автором, послужившим источником Страбона, на основании автопсии, а скорее указывает на работу, проделанную этим автором на основании информации, полученной им путем расспросов.

Все перечисленные особенности описания (за исключением последнего замечания о Помпее и Канидии, которое следует приписать самому Страбону) говорят за то, что: 1) речь идет, как отметил это уже Нейман, о едином источнике, 2) автор, сочинение которого послужило здесь Страбону источником, вступал в Иберию со стороны Армоики и Севсаморы, 3) следовал он через Иберию и Колхиду, 4) изложил свои впечатления на основании автопсии, 5) восприятие его говорит об остром и наблюдательном взгляде стратега, во всяком случае наблюдательного человека, бывшего участником военного похода.

Все это, как нельзя лучше, подтверждает установившийся в науке взгляд, что в данном отрывке Страбон излагает именно Феофана.

Обратимся теперь к последнему, шестому, параграфу третьей главы XI книги. Начало его служит, по мысли Страбона, связью с предшествующим описанием входов в страну: «Имеется четыре входа в страну»—«И четыре рода людей населяют страну. Первый из них, самый важный, это тот, из которого они ставят (καθίστᾶσι) своих царей—одного старшего и по происхождению, и по возрасту, и другого, который творит суд и предводительствует в походах. Второй род—это род жрецов, пекущийся и о правовых сношениях с соседями. Третий—это род воинов и земледельцев. А четвертый—это народ: люди, входящие в его состав, являются царскими рабами, и все жизненные средства доставляются ими. Имущество у них общее по родам, управление и заведывание хозяйством каждого из которых принадлежит старейшему по годам».

Первое, что обращает на себя внимание при внимательном чтении третьей главы XI книги, это: 1) отсутствие логической, внутренней связи шестого параграфа с пятью предыдущими и 2) оригинальность приема описания социальной структуры иберов.

Как нами было уже указано, первые пять параграфов дают единую, цельную, хотя и суммарную, но вполне законченную географическую картину, включающую и краткую этнографическую характеристику, предшествующую описанию входов в страну. Описание социальной структуры, данное в § 6, является как бы привеском и настолько притом неожиданным, что по ходу изложения сперва даже не совсем ясно, о каких же иберах в данном случае идет речь: о жителях ли равнины, о населении ли горной полосы или же об обитателях страны во всей их совокупности. Нигде в обширном сочинении Страбона мы не находим описаний социального строя народов упоминаемых им стран, если не считать описания Индии (XV, 39—49) и отчасти «Счастливой» Аравии (XVII, 4, 25).

На всем этом отрывке (XI, 3, 6) лежит отпечаток схемы, штампа, типичного для утопистов эллинистической эпохи. Основой описания является механическое деление общества на четыре социальные категории, обозначенные Страбоном словом «роды»—γένη

Слово γένος имеет широкое значение. Впервые обозначение этим термином общественной группы или людей определенной профессии мы встречаем у Платона в его рассуждениях об идеальном государстве: «род философов», «род жрецов», «род ремесленников», «род пастухов и стражей», «род земледельцев» и т. д. (Plat., Rep., 501E). Встречается, впрочем, вместо слова γένος и другой термин ἔθνος «племя», употребляемый Платоном в том же значении (ср. напр. Crit. 110C.). От Платона «потребление слова γένος в том же значении общественной категории перешло к Аристотелю τὸ τῶν ἑρέων γένος, τὸ γωργόν, τὸ βαρυσσον (Pol., 1329^a, 27).

Для обозначения социальных групп, на которые искусственно расчленяются гражд-

дане идеального государства-города, встречаем мы у Аристотеля и другой термин— *μέγας* (Pol., I 267b).

Употребление слова *γένος* в смысле социальной группы впервые встречается у Платона и у Аристотеля, очевидно, в прямой связи с острой в то время проблемой идеального построения общества. Как известно, эти вопросы стали горячо обсуждаться в греческой политической и философской литературе IV в. под давлением условий глубокого экономического кризиса, переживавшегося Элладой после Пелопоннесской войны, обнажившей и углубившей социальные язвы, которые терзали рабовладельческий мир. Идеальные схемы Платона—это область чисто фантастических конструкций, в основе которых лежит идеализация старины, политического строя предков. Аристотель дает теоретическую схему идеального государства, но и Платон и Аристотель оба строят свою схему на чисто греческой, античной основе, т. е. на основе античного рабовладения и конструкции греческого свободного полиса. Схема идеального государства Аристотеля зиждется на эксплуатации труда бесправного населения, не включенного в состав гражданской общины.

В эллинистическую эпоху, начало которой было отмечено широким распространением идей киников и стоиков, возникает новый идеал общества, космополитического, раздается призыв к простой жизни на лоне природы, к созданию нового идеального общества, в котором труд должен быть почитен.

Новые идеалы ищут своего отражения в достаточно тенденциозном изображении патриархального уклада экзотических народов. Походы Александра открыли перед греческим миром новые горизонты, чрезвычайно расширили его географический кругозор, раскрыли широкие просторы экзотического востока с его изумительно щедрой природой, с его совершенно иным укладом жизни, столь не похожей на жизнь греческих городов. Возникает ряд социальных утопий, в основе которых лежит выработанная в литературе IV в. схема общественного деления на «роды» (*γένη*), или «части» (*μέρη*), но в схемы эти вкладывается новое идейное содержание, подготовленное утопическим жанром эллинистической литературы, когда как в изобразительном искусстве, так и в литературе, начинает играть большую роль пейзаж. Пейзаж властно входит в социальную утопию и изображение идеального общества, состоящего из идеально здоровых духом и телом и долговечных людей, помещается на фоне идеализированного пейзажа.

Все эти черты эллинистического утопического жанра находим мы в утопии Евгемера, изображающей счастливых панхейцев (Diod., V, 41—42) с их трехчленным социальным делением на жрецов с примыкающими к ним ремесленниками, земледельцев и воинов вместе с пастухами.

Солнечное государство Ямбула (Diod., II, 55—60), локализуемое в южном океане, также отражает идею свободного и почетного труда, общности имущества, устраняющей язвы общественного и экономического неравенства.

Этими же идеями эллинистического утопизма проникнуто и «солнечное государство» Аристоники (Strabo, XIV, 1, 38).

В дальнейшем, в связи с расширением географического кругозора и развитием как математической, так и описательной географии, выработанные в утопическом жанре приемы описаний заимствуются и авторами исторических и географических сочинений, развивающих и иллюстрирующих их все новыми материалами описаний неведомых ранее эллинам стран. В описания эти вплетались часто и реалистические черты. Они давали изображения вполне реальных стран и народов в связи с возникающими практическими задачами политики и экономики эллинистических государств и заключают в себе для нас иногда ценнейшие материалы, собранные на основании автопсии. Но все они подчинялись, однако, чисто литературному шаблону, более или менее окрашенному идеализирующей тенденцией в духе стоической школы. Наиболее яркими представителями этого направления являются Эфор и Посидоний¹.

¹ См. собрание отрывков Посидония у Якоби, FHG, IA, № 87, стр. 222—317, комментарий, II, стр. 154—220, Ср. также М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 5.

Традиция идеализации народов Востока имеет своих ранних представителей в лице еще Геродота¹, Ктесия² и особенно развивается в эпоху эллинизма в писаниях Евгемера³, Ямбула⁴, Гекатея из Абдеры⁵. Из историков эллинистической эпохи первым отдал дань этому направлению Феопомп⁶. За ним следовали Эфор, с его идеализацией скифов⁷, Аполлodor, Посидоний и писатели позднеэллинистического и римского периодов, в частности и Страбон в ряде отрывков, источниками для которых послужили авторы эллинистической же эпохи—Николай Дамасский⁸, Элий Дионисий⁹, Плиний Старший¹⁰, Мела (III, 7, init.), Юстин (II, 2) и другие. Страбон, широко начитанный в эллинистической литературе, дает несколько примеров механических заимствований из нее искусственной схемы сословного деления общества, существующего на лоне богатой и ласковой природы. Таково описание у него «Счастливой» Аравии (XVII, 4, 25) с ее трехчленным делением общества на воинов, земледельцев и ремесленников. Интересно, что именно эта третья категория общества поставляет здесь правителей и полномочия его присваиваются им по праву возрастного старшинства. С этим патриархальным правом старейшины неразрывно связана у эллинистических утопистов и старинная родовая собственность.

Повторение тех же приемов кастового сословного деления общества и отражение тех же идей находим мы и в описании Индии у Страбона (XI, 1, 39—49), составленном по Мегасфену. М а с с а индийского населения делится на семь «частей» (μέρη), из которых первое и самое почетное место занимают философы, самые малочисленные, второе—земледельцы, чуждые войне и городской жизни; третье—пастухи и «стражи»; четвертое—ремесленники и купцы; пятое—воины; шестое—эфоры; седьмое—советники царя, ведающие судопроизводством и управлением страной. Царь, как видно из объяснения седьмой категории общества, существовал, но «род царей», как специальная категория, не обозначен.

Третий пример описания общества у Страбона, выполненный с помощью сходного приема механического деления по шаблонной схеме—описание Иберии (XI, 3, 6).

Приведенные три описания у Страбона имеют приметы схематизма и утопической идеализации, но содержат в себе и некоторые реалистические черты, позволяющие заметить в описываемых обществах значительные различия. Интересно прежде всего отметить, что Страбон употребляет термин γένος в описании Иберии и «Счастливой» Аравии, как у Платона и Аристотеля, а не μέρος, как в описании Индии (по Мегасфену) и у Евгемера. Впечатление наибольшей искусственности производит описание «Счастливой» Аравии, где четкость социального деления доводится до того, что социальные группы уподобляются «царствам» (βασιλείαι). О существовании царя не упоминается. Подчеркивается там же и общность имущества по родству и роль родового старейшины.

Описание социального строя Иберии содержит расчленение общества на четыре «рода», или социальных слоев, вернее сословия. Для обозначения их употребляется старый платоновский термин γένος. Но в противоположность всем выше упомянутым схемам, высший слой военной аристократии (может быть, даже определенный аристократический или царский род) стоит на первом месте—«род», из которого «ставят царей» по праву старшинства. Подчеркнут родовой принцип наследования

¹ III, 20—23. Посольство Камбиса к эфиопам.

² Справедливость индов; fr. 57,8.

³ Панхейская страна, Diod., V, 41—42.

⁴ Солнечное государство, Diod., II, 55—60.

⁵ Гипербореи и Киммерийский город, FHG, IIIA, № 264, стр. 15—18, fr. 7—14.

⁶ Μερσπός ἦν, Strabo, VII, 3, 6.

⁷ FHG, IIA, № 70, стр. 54—55, 42 и стр. 91, 158—160. Комментар., IIC, № 70, стр. 51 и 82—83.

⁸ Изображение эфиопов, FHG, IIA, № 90, стр. 385, fr. 103 (m).

⁹ У Евстафия II, XIII, p. 916.

¹⁰ NH, VI, 20.

царской власти. Для историка это может представить большой интерес: отступление от шаблона сделано, несомненно, не даром. Нам думается, оно нам показывает, что в основе управления страной в действительности была в Иберии единойдержавная царская власть. Однако, следуя установившемуся литературному трафарету, историк Страбона, очевидно, не раскрывал функций царя, ограничившись только упоминанием второго по важности после царя лица, принадлежавшего к тому же «роду» или классу (γένος), лица, облеченного полномочиями судьи и главнокомандующего. В факте упоминания этого второго важнейшего в Иберии наряду с царем лица, думается нам, опять-таки отражена безусловно реальная историческая черта, характеризующая фактическое бывшее разделение функций царской власти, отраженное и в эпиграфических памятниках¹.

О втором «роде», роде жрецов, нет у Страбона никаких дополнительных, ближе описывающих их государственные функции, указаний, кроме указания на их обязанности представлять при разборе спорных вопросов при сношениях Иберии с соседними народами. Воины и земледельцы объединены в одну группу также вопреки традициям утопических схем, где воины выделяются обычно в особую касту, не принимающую участия в мирном труде. Здесь снова должна быть отмечена показательная черта, опять-таки отражающая, надо полагать, реальное положение вещей: в тексте Страбона упомянуты свободные общинники—вооруженный народ, этот пережиток военной демократии.

Указание Страбоном на четвертый «род людей», «род царских рабов» заслуживает исключительного внимания, так как ни одна из известных нам утопических схем эллинистической эпохи не упоминает о рабах ни в каком аспекте.

В заключение делается достаточно трафаретная приписка об общности имущества. В сочинениях Платона и Аристотеля и в ранних эллинистических утопиях речь идет об общности имущества для всего государства, или для всей общины; позже в сочинениях, где дается попытка изобразить в идеализированной схеме действительную жизнь народов варварской периферии, речь идет об общности имущества по родам, причем подчеркивается роль родового старейшины².

Схема иберийского общества, уложенная в рамки установившегося в утопической литературе шаблона, в угоду этому шаблону пренебрегает рядом специфических особенностей Иберии, искажая действительность, и тем не менее содержит черты, явно эту действительность отражающие. Так, говорится о носителях царской власти, базирующейся на военной аристократии, и о зависимом населении, полусвободном крестьянстве, о «царских рабах», сидящих на царских землях, но ни слова не упоминается о храмовых поместьях, населенных «священными рабами», хотя фактическое существование их засвидетельствовано нам другим отрывком Страбона, посвященным Албании (XI, 4, 7), и, кроме того, упоминанием о богатом святилище Левкофеи в области мосхов (XI, 2, 17).

Анализ содержания заключительной части XI главы позволяет сделать следующие выводы: 1) Страбон в XI, 3, 6 эксцерпирует отдельный отрывок из источника, отличного от того, какой лежит в основе XI, 3, 1—5, и 2) источник этот давал картину социального строя Иберии, сделанную по шаблону эллинистических утопических схем, но содержащую также и ряд реальных особенностей, не соответствовавших обычному трафарету подобных схем.

Интересна и терминология, какой пользовался источник Страбона.

Необходимо прежде всего напомнить, что этот источник при определении групп населения пользуется восходящим к Платону термином γένος и тут, может быть, мы вправе усматривать специально влияние платоновской философии и платоновской терминологии.

¹ См. мою статью: А. И. Амирашвили (Болтунова), Иберия и римская экспансия в Азии, ВДИ, 1938, № 4 (5), стр. 164 сл.

² Ср. Str., XI, 3, 6 (Иберия) и XVI, 1, 4 («Счастливая» Аравия).

Далее: царскую власть получает ближайший по родству старший по происхождению (в тексте буквально «по родству») и по возрасту. Для обозначения родства в греческом языке существовало два термина: анхистейя (ἀγχιστεία) и сингенейя (συγγενεία): оба они встречаются и в данном отрывке. Для объяснения права наследования царской власти употреблен второй из них—анхистейя. В греческом языке это слово имеет вполне четко определенное значение: в отличие от термина «сингенейя», обозначающего взаимное родство всех членов рода, слово анхистейя означает специально близкое родство, дававшее право наследования. В таком именно значении мы встречаемся с ним в греческой комедии¹ и у Платона в «Законах»². Но особенно важное значение приобрело это слово в официальном деловом языке греческих судебных ораторов, в частности, в тех речах, которые затрагивали вопрос о наследовании. У греческих ораторов слово это означает родство по линии законного брака³, т. е.: 1) братьев по отцу и их потомков, 2) сестер по отцу и их потомков, 3) братьев отца и их потомков, 4) сестер отца и их потомков, 5) братьев по матери и их потомков и 6) сестер по матери и их потомков—иначе говоря близких родственников и их потомков по линии законного брака⁴. В точном юридическом языке Афин IV века до н. э., и в документах⁵, и у ораторов (Demosth., XLIII 57) оно имеет указываемое нами совершенно ясное, точное, вполне установившееся значение. То же юридическое содержание имеет оно и в языке частных правовых документов эллинистической эпохи; но в качестве термина для обозначения родства употребляется оно сравнительно редко: в просторечье слово сингенейя как термин родства встречается несравненно чаще.

Второй по старшинству представитель царского рода, великий судья и главный военачальник, выполняет обязанности по линии его судебных функций, определяемых термином «дикайодосия» (δικαιοδοσία). Для эллинистической эпохи это термин обычный. Во II в. до н. э. он засвидетельствован нам и надписями, служа там нередко термином, обозначающим понятие юрисдикции⁶. Тот же термин находим мы и у Полибия в отрывках, касающихся договоров между греческими государствами (XX, 6, 2; XXII, 4, 2). Знаменитый Метродор Скепсиец, облеченный при дворе Митридата Евпатора высоким званием верховного судьи, назывался «приставленный к дикайодосии». В более позднее время термин «дикайодосия» встречается, например, в биографии Помпея у Плутарха (гл. 10) и в папирусных документах, начиная с конца I в. н. э.⁷ Глагол δικαιοδοτεῖν также употребителен в эллинистическую эпоху и встречается как в надписях, так и в историографии для обозначения исполнения обязанностей управляющего судопроизводством⁸.

Название должностного лица дикайодот (δικαιοδότης), в ведении которого находилось провинциальное судопроизводство, входит в язык документов и соответствующих историографических сочинений не ранее начала н. э. У Страбона оно встречается только там, где он имеет дело с обстановкой римского провинциального управления в Египте. Термин «дикайодот народа» (δικαιοδότης τοῦ ἔθνους) принадлежит специально римской эпохе и употребителен в значении правителя области, правителя провинции.

На обязанности второго сословия, «рода жрецов» помимо их функций, связанных с культом, лежало «печение» (ἐπιμελεία) о спорных вопросах, касающихся взаимоотношений Иберии с пограничными народами. Слово эпимелет, как название особого должностного лица, восходит еще к терминологии полиса классической эпохи

¹ Ср., напр., Aristoph., Aves, 1660; Ranae, 1385^e, 3.

² Plat., Leg., IX, 871A, 924D.

³ Ср. Demosth., XLIII, 51.

⁴ Ср. Isaei, VIII, 34.

⁵ Ср. CIA, I, 61, строка 21.

⁶ Ср. надпись из Халкиды II в. до н. э., IG, XII, 9, 903, и из Милета, также II в. до н. э., Milet, 3, № 1545.

⁷ ВГУ, № 226, 11, 99 г. н. э.

⁸ Напр. IGRR, IV, № 400—Надпись из Пергама 40-х—50-х гг. I в. до н. э.

Греции. В эллинистическую эпоху оно чаще употребляется в применении к администрации греческих городов, чем эллинистических царств. Для нас важно отметить, что термин этот принадлежит языку официальных документов.

Чрезвычайно интересен термин «лаой» (λαοί), «народ» или, дословно, «народы», родственный по своей семантике древнерусскому «люди». Старинное, засвидетельствованное еще гомеровским эпосом, слово «ла о с» в классическую эпоху расцвета государства-города мало употребительно: в это время оно вытесняется термином «демос» (δῆμος), покрывающим собою понятие народа. Но под словом «демос» понимались тогда исключительно граждане, население же, не обладавшее в греческих полисах правами гражданства, называлось иначе: метэками, периэками и т. д.

В эллинистическую, однако, эпоху слово ла о й снова прочно входит в жизнь, когда греческие поселенцы начали расселяться на обширных территориях завоеванных Александром стран востока. Тогда под словом ла о й стали подразумевать всех исконных жителей страны, не входивших в состав граждан городов, но обитавших на территориях, принадлежавших городам, или живших на территории царства и в принципе подвластных царю, в качестве его подданных. То были полусвободные арендаторы, платившие оброк натурой, а позже деньгами, своим хозяевам (городам и династам), а то и царю, если они сидели на землях ц а р с к и х поместий, и подати в царскую казну. Положение «народов» (ла о й) в системе эллинистических государств Азии было различным в зависимости от особенностей страны и эпохи. Сейчас нам хотелось бы только отметить, что слово ла о й было вполне определенным техническим термином эллинистической эпохи, и специально эллинистической Азии, главным же образом селевкидской. Употребляя это слово применительно к известной категории населения эллинистической Иберии, источник Страбона в XI, 3, 6 вкладывал в него определенный, ясный его читателю, правовой смысл. Вопрос конечно другой, насколько термин ла о й в том значении, в каком он применялся в эллинистической Азии, действительно отражал истинное положение вещей в Иберии, и насколько, говоря иначе, положение иберийского «народа» (λαοί) можно было отождествлять с положением лаой у Селевкидов, Атталидов, в Вифинии, у гераклеотов и т. д. В данной связи нам важно лишь подчеркнуть, что автор отрывка пользовался обычной терминологией, взятой им из окружающей его, ему современной среды.

Стремясь яснее раскрыть содержание термина ла о й в применении к эллинистической Иберии, Страбон поясняет своему читателю, что они являлись «царскими рабами». Понятие ла о й не равнозначно, конечно, понятию δούλοι—«рабы», в прямом значении этого слова. Пояснение Страбона «царские рабы» (βασιλικοὶ δούλοι) надо, разумеется, понимать просто как указание на то, что они зависели от царского рода, т. е. от слоя высшей военной аристократии, от светских владетелей, в отличие, например, от так называемых «священных рабов» (ἱεροὶ δούλοι), о которых в данном отрывке речи нет. «Священные рабы» также не были рабами в прямом смысле слова, а были людьми, жившими на храмовой территории и повинными вносить оброк жрецу. Что же касается ла о й Иберии, то они «доставляли все жизненные средства» царскому роду.

Таким образом, терминология, употребленная Страбоном или его источником для раскрытия социального характера и государственно-правовых функций различных общественных групп Иберии, в основном является обычной терминологией официальных документов эллинистической эпохи, в которые автор описания вкладывал привычные для него понятия, типичные для явлений государственной и социальной жизни его эпохи.

В заключение постараемся осветить вопрос о характере самого источника Страбона.

Иберия упоминается в «Географии» Страбона, помимо разобранного выше ее описания (XI, 3, 1—6), многократно и в разной связи. Самым ранним источником о внутренних областях Кавказа, использованным Страбоном, является географический труд Эратосфена, опиравшегося в своих описаниях северных частей известных тогда обла-

стей Азии на Гиппарха, а Каспийского моря—на исследование Патрокла¹, который объехал его по поручению Селевка Никатора в последние годы правления этого царя. К этим источникам, очевидно, восходят и замечания Эратосфена о происхождении древнего наименования Кавказского перешейка от племенного названия каспов (Strabo, XI, 2, 15), общее описание кавказских гор и их отрогов, а вероятно, и указание на отграничение этими горами областей Закавказья, населенных иберами и албанами, от степей Северного Кавказа, населенных сарматами. Было ли Эратосфену известно племенное название иберов и место их обитания в долине среднего течения Куры и по Арагве, на основании отрывков у Страбона XI, 2, 15 и XI, 3, 2 с категорической уверенностью утверждать трудно.

Более детальные сведения об Иберии Страбон почерпнул из сочинений историков парфянских войн, на которых он прямо ссылается (II, 5, 12 и I, 3, 20), в частности на Аполлодора.

Сочинение Аполлодора, написанное в 30-х гг. I в. до н. э., Страбон, как думает большинство исследователей, использовал непосредственно. Интересно отметить, что, ссылаясь на Аполлодора (I, 3, 21), он считает нужным исправить его сведения о границах по реке Араксу, относясь с большим доверием к другим указаниям, сообщающим, что границей этой служила Кура, а не Аракс. Вспомним также вдровое предположение Хонигмана о том, что в отрывке I, 3, 21 рассуждения о переселениях племен заимствованы Страбоном из сочинения Посидония «Об океане»: на Посидония Страбон ссылается, трактуя вопрос об этническом родстве армян, арабов и сирийцев.

Таким образом, ясно, что первые сведения об иберийском царстве по среднему течению реки Куры проникают в греческую науку не с запада через греческие города восточного и юго-восточного побережья Черного моря, а с юга, т. е., иными словами, через эллинистические научные центры царства Селевкидов. Приток этих сведений должен был усиливаться в прямой зависимости от интереса к Парфии в связи с войнами, которые вели Селевкиды с парфянами во II и I вв. до н. э.

Говоря об историках парфянских войн, Страбон называет специально Аполлодора и умалчивает о Посидонии, по всей вероятности потому, что использованные им сочинения Посидония были написаны последним под другими заглавиями и на другие, более широкие темы. Это, во-первых, «Об океане» и, во-вторых, «Истории».

Изложение событий в историографическом труде знаменитого продолжателя Полибия начинается с 145/4 г. и охватывает события не только в Азии, но также и в Италии, Египте и на Балканском полуострове, почему, естественно, Страбон и не может цитировать Посидония в числе авторов «Парфянских войн». Тем не менее совершенно ясно его использование Страбоном именно при описании Парфии, где он на него определенно и открыто ссылается, как, например, в XI, 5, 9, 1 и XI, 9, 3, и не только в этнографических справках, но также и в некоторых вопросах истории и географии Парфии, противопоставляя его сведения сообщениям Аполлодора².

В связи с интересующим нас вопросом о первоисточниках Страбона в XI, 3, 6, интересно сопоставить разбираемый отрывок с другим, из Страбона же, в котором Страбон говорит о парфянских обычаях (XI, 9, 3): «... так как об обычаях парфян много сказали мы в шестой книге Исторических записок и во второй из книг «После Полибия», то мы это здесь пропустим, дабы не показалось, что мы повторяемся. Скажем только, что, как сообщает о том Посидоний, парфянский сенат распадается на две части, одну из которых составляют сородичи (οἱ συγγενεῖς), а другую—мудрецы и маги, и что цари назначаются из состава обеих».

Отрывок этот привлек к себе внимание исследователей—как доказательство того, что «История» Посидония вообще не была использована Страбоном в его исторических трудах, поскольку он счел необходимым внести в свою «Географию» это дополнение, заимствованное им из Посидония. Но подобное предположение

¹ Strabo, XI, 7, 3 о торговом пути из области Окса в бассейн Понта.

² Напр., традиция, согласно которой Арсак был не скифом, а бактрийцем (XI, 9, 3 и др., FHG, IV, 308—309).

неубедительно, т. к. следы использования «Истории» Посидония в «Географии» Страбона через его собственные исторические труды достаточно ясны. Страбон говорит, что в своих исторических трудах он уже дал развернутое описание парфянских обычаев и что в «Географии» «чтобы не повторяться», он счел нужным обратить внимание лишь на одну деталь, а именно на двойной состав совета у парфян и на способ избрания царей, заимствовав известие об этом у Посидония.

Содержание этого текста интересно сопоставить с описанием у Страбона общественного строя иберов. В приведенном сообщении о парфянах мы имеем только часть описания парфянских обычаев. Полное же их описание, на которое ссылается Страбон, для нас утрачено. Но и из этого сохранившегося до нас, небольшого отрывка уже можно вывести некоторые заключения: 1) Посидоний, помимо чисто бытовых описаний и соображений об этническом происхождении парфян, давал описания их государственных учреждений и законов, пользуясь при этом привычной для него терминологией, характерной для государственно-правовых понятий в жизни эллинистической Азии. 2) Речевой оборот в последней фразе цитированного отрывка ἐξ ὧν ἀμφὸν τοὺς βασιλεῖς καθίστασθαι и стилистически и синтаксически чрезвычайно близок к XI, 3, 6 ἐξ οὗ τοὺς βασιλεῖς καθίστασι.

К сожалению, цитата из Посидония слишком кратка, но можно, все же, наметить некоторые выводы. Посидоний, примыкавший в своих философских воззрениях к учению стоиков, находился под сильным влиянием Платона. Родом он был из сирийского города Апамеи, одного из крупнейших центров царства Селевкидов, и, следовательно, политическая обстановка в царстве Селевкидов была для него знакома. Терминология, применявшаяся для характеристики отдельных категорий населения, номенклатура должностных лиц, равно как и термины из области частноправовых отношений, все это было для него привычно. Посидоний был автором исторического труда, в котором большое место отводилось истории сирийско-парфянских войн второй половины II в. до н. э., в связи с чем его внимание привлекали и география, и этнография Парфии, как и общественный и политический ее строй. Кроме того, хорошо известно, что к этнографии Посидоний питал специальный интерес. Известно также, что свои этнографические экскурсы он, соответственно общим тенденциям стоической философии, выдерживал в идеализирующем тоне, придавая в то же время большое значение реалистическим деталям картины.

С полным основанием вправе мы предполагать, что XI, 3, 6 мог быть заимствован Страбоном из Посидония без прямой на него ссылки, непосредственно или через посредство своих собственных исторических сочинений.

Не исключается возможность и того, что некоторые и другие еще материалы, использованные Страбоном во второй главе и в третьем параграфе третьей главы, могут также восходить прямо ли или косвенно к Посидонию, например описание образа жизни ахейцев, зигов и энихов в XI, 2, 12, далее в § 19 второй главы, текст которой дошел до нас поврежденным, конец § 16 и XI, 3, 3 об иберах-горцах, родственных этнически и по образу жизни скифам и сарматам, и об иберах равнинных, близких по своим обычаям к мидянам и армянам. Все это близко этнографическим вкусам Посидония. Заметим, что Теофан ни скифов, ни сарматов на местах их обитания сам никогда не видал.

Поставленный Джебца и обсуждавшийся позднейшими исследователями вопрос об использовании сочинения Посидония Страбоном при описании Иберии станет более ясным, если принять во внимание путь, по которому шло расширение знаний греческих ученых о внутренних областях Кавказа.

Таким образом имеются достаточные основания считать, что описание Иберии в «Географии» Страбона разбивается на две части, в основном базирующихся на двух различных источниках: XI, 3, 1—5 базируется на сочинении Теофана, с использованием Эратосфена, а может быть, косвенно в § 3 и Посидония; что же касается XI, 3, 6, то эта часть отрывка восходит к «Истории» Посидония.

Остается вопрос, к какому же времени относятся те сведения, которые использовал Посидоний для описания общественного строя иберов. Сделанные Страбоном

заимствования относятся к его «Истории после Полибия», оконченной около 80 г. до н. э. и сделаны они из тех глав, где трактовались сиро-парфянские войны. На основании дошедших до нас отрывков из истории Посидония, сохранных главным образом Афинеем, устанавливается, что история Сирии излагалась в главах III—VI (от 145 г. до пленения Деметрия II Никатора парфянами), XII—XVI (вероятно, до смерти Деметрия II в 125 г.), затем, повидимому, в книгах XVII—XXII, XXVIII (Сирия при Антиохе Грипе до воцарения Клеопатры) и, вероятно, также в XXXIV, где изложение доводилось до смерти Антиоха Грипа¹.

Из V книги, повествовавшей об истории Деметрия, сохранился отрывок, относящийся к изображению обычаев парфянского царского двора и рассказывающий о положении «друзей царя» за царской трапезой. Якобы склонен сохранный Страбон XI, 9, 3 сведения Посидония о парфянском сенате относить к той же книге Посидония. Предположение Якоби кажется правдоподобным, так как описание парфянских обычаев вполне естественно помещать в главах, посвященных большой войне с парфянами, вторжению сирийских войск в пределы парфянской территории, окончившемуся пленением Деметрия. Описание положения «друзей царя» за царской трапезой могло иметь отношение к пребыванию Деметрия в плену, оказавшегося в положении «царских друзей». Весьма возможно, что в этот же раздел было включено и описание прилегающих к Парфии и близких ей по культуре стран, к которым относились Иберия и Армения. В таком случае сведения об Иберии, которыми располагал Посидоний, должны были восходить к концу 40-х, началу 30-х годов II в., т. е. не менее чем за 70 лет до кавказского похода Помпея; и в это время Иберия представляла уже вполне сложившееся царство эллинистического типа с укрепленными городами, развитой торговлей, царской властью и сословным делением.

А. И. Болтунова

ПЕРГАМСКИЙ ДЕКРЕТ 133 года до н. э.

Мало известный в русской историографии Пергамский декрет 133 г.² является одним из наиболее важных документов по истории Пергамского царства. Он относится к самому напряженному периоду пергамской истории, когда вспыхнуло крупнейшее в эллинистическом мире восстание рабов и бедноты под руководством Аристоника и решался вопрос о возможности существования самостоятельного Пергама и установления в нем нового социального строя или же о передаче всего государства под господство Рима.

Пергамское царство находилось тогда в зените своего расцвета в экономическом и культурном отношении, и казна пергамских царей была полна. Это не означало все же прочности международного и внутреннего положения Пергама, как об этом свидетельствуют бурные события, развернувшиеся в Пергаме после смерти последнего царя Аттала III.

Античная литературная традиция почти не дает сведений социального и политического порядка относительно этого последнего периода пергамской истории. Несмотря на то, что около 20 античных авторов затрагивало в своих трудах события, развернувшиеся в связи со смертью последнего Атталида, все же история Пергама в период его царствования осталась темным пятном в их изложении. Литературные источники этого периода весьма скудны, сбивчивы, часто даже противоречивы.

¹ Jacoby, FHG, IIC, № 87, стр. 155—156.

² Inschr. v. Perg., VIII, 249=OGIS, 338=IGRR, IV, 289.